

Кулинарные дискурсы белорусского национализма: о «настоящей белорусской кухне» и «бульбашах»¹

Ольга Шутова

В статье делается попытка представить процесс конструирования нации в Беларуси сквозь призму истории питания, а также – через репрезентацию питания в белорусской историографии.

Современное потребительское общество, развивающееся в Беларуси, в поисках собственной идентичности, естественно, находит её в одной из самых «интимных», близких человеку сфер – национальной кухне. Целью данного исследования является анализ основных направлений в современной белорусской историографии, и в частности, истории кухни как зеркала, которое отражает определённые тенденции и повороты национальной идеи и одновременно является пространством, где эта национальная идея осваивается и «усваивается».

«Белорусская тематика», практически неизвестная и игнорируемая западными исследователями до недавнего времени, сегодня становится всё более популярной для изучения культурных парадоксов. И, пожалуй, самыми актуальными для исследователей в этой области, на границе между новой Европой и новой Россией, являются проблемы пересечения белорусской идентичности, национализма и власти.

Большинство работ в этой области направлены на то, чтобы найти определения главным типам национального дискурса в современной Беларуси. Например, авторы статей в сборнике *Changing Belarus* утверждают, что после распада Советского Союза в Беларуси оформились два главных национальных «проекта»: «славянский национализм» и «европейский национализм»². При этом главные черты «славянского национализма», развитого как государственная идеология в период правления А. Лукашенко (с 1994) включают представления о «славянском величии и ностальгии по советским временам». Второй тип белорусского национализма, «европейский», также получивший развитие после распада СССР, фокусируется на оппозиции советскому строю, акцентирует белорусский язык и принадлежность Беларуси к Европе. Ещё один известный аналитик выделяет три типа «национальных проектов», каждый из которых представляющий целый корпус идей о том, какой «должна быть Беларусь»: (1) национальный/проевропейский, (2) либеральный про-московский и (3) креольский³.

Наша работа посвящена проблемам национализма, отраженным в исторических репрезентациях повседневной жизни, питания и кулинарных практик. Надеемся, что этот новый взгляд позволит расширить горизонты исследований в области идей и идеологий, которые до сих базируются лишь на таких источниках, как средства массовой информации, журналы, учебная литература и т.п.⁴

Социокультурный фон

И то велми страшная шкода: гологуздые кури ховати, их достатком варити и инные пташки смажити, торты тые цинамоном, микгдалами цукровати. А за мойей памети прысмаковъ гетыхъ не бывало; добра было: гуска съ грибкамы, кашка зъ перчыкомъ, печонка зъ цыбулькою или зъ чосныкомъ, а коли на перепышныя достатки — каша рыжовая зъ шафраномъ. Вина венгерскаго не заживали, передъ тымъ, — малмазыю скромно пияли, медокъ и горелочку дзюбали. А грошы подостаткомъ мевали, муры муровали и войну славную крепко и лучей держали, какъ теперъ.

Воспроизведенное здесь – отрывок из известного сатирического произведения «Прамова Мялешки», написанного в XVII в. на территории белорусских земель Великого княжества Литовского. Эта работа совершенно «затёрта до дыр» в белорусской историографии по причине выраженного в ней «социального протеста» -- сетований православного белорусского дворянства на засилье «немцев» (в данном контексте – иностранцев вообще) и «ляхов» (польской аристократии в Польско-Литовском государстве, созданном в результате Люблинской унии 1569, Речи Посполитой)⁵.

Это произведение представляет собой интерес и с совершенно иной точки зрения: в нем содержатся любопытные пассажи с позиций истории питания, причем уже в 17 столетии в них ясно прослеживается национально-культурная маркировка кухни. Наше – «кашка зь перчыкомь» или шафраном, «гуска съ грибками», «печонка зь цыбулькою или зь чосныкомь»; а вот «гологузые куры» (индейки, которые, очевидно, были завезены на территорию Беларуси уже в XVI в.), всякие торты с корицей, да куры жареные – это «не наше», «чужое».

Вопрос о «нашем» и «чужом», пусть даже в кулинарной перспективе, ставится в 16-17 вв. не случайно: в это время территория Беларуси становится активным перекрестком торговых, политических, культурных, религиозных путей. Есть и ещё одна причина, по которой мы начинаем изучение вопроса с многослойных социокультурных связей на белорусских землях в XVI-XVII вв. – именно это время традиционно рассматривается современной белорусской историографией как «точка отсчета», «Золотой век» в истории Беларуси.

В начале XVI в. на белорусских землях распространяется европейская ренессансная культура. Являясь составной частью ВкЛ, белорусские территории имеют достаточно прозрачные границы, здесь происходит интенсивное развитие городской культуры (около 60 белорусских городов обладают Магдебургским правом к XVIII в.), цехов ремесленников, театральных постановок и т.п.⁶

Молодёжь белорусских земель едет в Западную Европу в поисках новых знаний, заработка и развлечений. Выпускники университетов Кракова, Базеля, Падуи, Болоньи возвращаются в Беларусь, уже с новыми привычками, обычаями и идеями. Именно в этот период Франциск Скорина (защитивший свою степень доктора медицины в престижном Падуанском университете) печатает первые у восточных славян книги (1517)⁷. Это же время современная белорусская историография рассматривает как «Золотой век» для старобелорусского языка⁸.

Выходцы из Беларуси, поэты и писатели, пишут на латыни, называя себя при этом Lithuanus, Rusinus, Polonus (возможные варианты «литвины», «русины»...), или, как Соломон Рысинский (Rysicki в польской традиции), «Solomo Pantherus Leucorussus»⁹.

Встречи разных культур были обычными на территории Беларуси, причём обмен шёл в разных направлениях. И на белорусских землях мы находим студентов из-за рубежа: согласно спискам Виленской семинарии в 1585 – 1602 гг. здесь находились студенты из Бранденбурга, Англии, Венгрии, Шотландии, Польши, Дании, Швеции, Москвы и т.д.¹⁰

Культурные заимствования и обмены были распространены в Беларуси того времени, об этом свидетельствуют предисловия и гравюры Ф. Скорины, тексты С. Будного, протестантские, арианские настроения В. Тяпинского, латинская поэзия Н. Гусовского... Зачастую оспариваемые современными польской, белорусской, украинской или литовской историографиями, эти «большие» и «малые» шедевры, дают

представление о множественности и интенсивности культурных коммуникаций на белорусских землях¹¹.

К середине XVI в. конфессиональное разнообразие набирает силу в Беларуси: большая часть аристократов, вместе с их крестьянами переходят в кальвинизм (Радзивиллы, Кишки, Сапеги, Ходкевичи, Тышкевичи)¹². Уже стало клише говорить о том, что перед началом Контрреформации в Речи Посполитой иностранные путешественники удивлялись, что в Беларуси можно встретить за одним столом католического и православного священников, муллу и раббина¹³.

Папский нунций Д. Ф. Коммендоне в своём письме к известному церковному историку и кардиналу Ц. Баронию ужасается, что «нет такого мерзостного безбожия, которое не нашло бы здесь пристанища и последователей»¹⁴.

Впрочем, идеализировать такое культурное разнообразие не следует – оно было весьма противоречивым и сопровождалось наступлением католицизма, Контрреформацией, заключением Люблинской унии, которая создавала единое государство Польши и ВкЛ, Брестской церковной унией, а также разрушительными войнами с Московией, в результате которых Беларусь потеряла к середине XVII в., почти половину своего населения¹⁵.

Говоря экономически, территория Беларуси в XVI – XVII в. испытывает всплеск роста торговли и потока импортных товаров: «гологузные куры», сельдь из Польши и Голландии¹⁶, часто упоминается в инвентарях шляхетских хозяйств «голландская» порода свиней в противоположность «простой» местной¹⁷; в белорусские города «приезжают» европейские вина, «кольнские хустки» (немецкие платки из Кёльна), «люнские однорядки» (верхняя одежда из Лиона), венгерские контуши и т.д.¹⁸

Хотя хрен, укроп, петрушка, мята, мак оставались самыми распространёнными специями в повседневной жизни в Беларуси, в среде аристократов и горожан уже использовались такие «экзотические» восточные специи как чёрный и красный перец, корица, гвоздика, имбирь, лавровый лист, шафран, изюм, тмин и миндаль¹⁹.

В это же время с территории Беларуси в Европу идет экспорт таких товаров, как пенька и продукты леса. Н. Гусовский воспеваёт белорусские леса, где меха пушного, и меда, и воска, и дичи –

Так что купец чужестранный тугою мощною
Может тряхнуть, не скупясь, на торгах наших людных.

Все тут – сосна корабельная, дуб для поделок,
Тес для богатых домов – королевствам безлесным²⁰.

Позже, в начале XVIII в. Беларусь начинает экспортировать зерно²¹.

В политическом плане, свидетельством обмена может стать та же «Прамова Мялешки», намекающая на инцидент с выборами в 1573-74 гг. королём Речи Посполитой Генри Валуа (будущего короля Франции Генриха III): «Помню я короля Генрыха, которій зь заморской стороны Немецкой былъ, да зрозумевъ, што мы іему не много давали шыбинковаты, а Немцы іего не вельми перекрывали, такъ и онъ, познавши, што то не шутка, да и самъ, никому не оказавшись, прочъ поехалъ ажъ у свою сторону, ажъ за море скакнуль»²².

Эти и подобные им факты многие современные исследователи используют как своего рода доказательство «европейского присутствия» на белорусских землях (или «белорусского присутствия» в Европе), вовлечённости белорусских территорий в общеевропейские процессы. Такая позиция подразумевает, в частности, «Золотой век» Великого княжества Литовского, который был связан именно со старобелорусским языком в качестве языка законодательства и литературы, началом книгопечатания и распространением некоторых «европейских черт» – протестантизм, элементы ренессансной культуры, латинская поэзия. Зачастую в качестве примера приводится и

тот факт, что даже в начале XIX в. эти специфические следы «Золотого века» всё ещё существовали: «литовское» законодательство было отменено лишь в 1840 г.²³; униатство (греко-католическая уния 1596 г. была насильственно отменена в 1839 г.) представляло из себя самую большую конфессию в Беларуси (70% населения в момент включения белорусских земель в Россию империю были униатами)²⁴; Виленский университет был закрыт лишь в 1832 г.; большая часть шляхты и крестьянства, говорившие на различных диалектах белорусского считали себя «литвинами» (подразумевая не этноним, но политоним, жителя Великого княжества Литовского)²⁵.

Традиционное питание на белорусских землях в XVI – XVII вв.

Как повсюду в Европе, главными земледельческими культурами на территории Беларуси были зерновые – рожь, ячмень, пшеница, овёс и, конечно, гречиха. Ржаной хлеб, каши, бобовые, овощи составляли главный рацион «простого человека». Аристократы, а позднее и горожане, могли позволить себе в принципе те же продукты, но в большем количестве и лучшего качества. Белорусский исследователь Т. Кашкурович отмечает, что польские аристократы даже подсмеивались над шляхтой из Великого княжества Литовского: «Czy u waszego Radzivila bocvinie sie urodzilo?»²⁶.

До 30-х гг. XIX в., пока не начали открываться первые сахарные заводы, сахар импортировался и был продуктом исключительно для богатых. В то же время соль, хотя и импортировалась из Крыма и Балтики, была широко распространена среди всех слоёв населения как продукт, необходимый для консервирования.

Следует выделить особо ту роль, которую играл лес в круге питания и жизни белорусов: грибы, мёд, ягоды, речная рыба были спасением от частых голода и недоедания.

Поскольку голод на белорусских землях был явлением повсеместным в средневековье и в раннее новое время, пережить его было невозможно без грибов. Баркулабовская летопись, среди всех жестоких испытаний и невзгод 1604 г. констатирует: «Пред се весна непогодная была, — тогда жито у цвету мороз побил; также огурки у цвету мороз побил, яко ж на тот час у господарстве мало хто бы ся мел огурками похвалити; ... ягод, яблук, иных овощей мало ся зостало для великих дождей, морозов, градов, толко грибов-абабков в лете велми много было зродило, иж кождый человек по двакрот у грибы на день ходил. ... Жита, гречици, пшеницы, овес, ечмень, горох в той цене был, яко в року 603, бо тот рок вари мало было; толко грибы, ледники, опенки ели, а рыб вялых мало было для великих поводков. На люди з ласки божее было здорово»²⁷.

Хотя, как видим, белорусская поговорка «Еш хлеб з грыбамі і дзяржы язык за зубамі»²⁸ основана на реалиях жизни, предыдущий пассаж из Баркулабовской летописи примечателен ещё и тем, что свидетельствует о значении пресноводной рыбы. Речная рыба была неотъемлемой частью рациона в Беларуси. Известный польский автор Матвей Меховский (Mehovius) удивляется: «Рыбу не разводят у русов в прудах и рыбных садках, а повсюду там, где есть вода, в ней появляется рыба, посылаемая, как говорится, с небесною росою, без всяких людских забот и разведения»²⁹.

Следует отметить, что даже несмотря на столетия, когда на территории Беларуси доминировала польская культура, сама кухня всё же оставалась весьма консервативной и основанной на сезонных ритмах сельскохозяйственной продукции. В то время, как магнаты ели блюда в более-менее европейском, а точнее, в польском стиле, средняя и бедная часть аристократии, шляхта, которая составляла, по разным подсчетам 8-10 % от всего населения³⁰, ели то же, что и крестьяне, только лучшего качества.

Аппетитное описание блюд традиционной белорусской кухни середины XIX в.:

Наперш дала яна капусту,

Тады са скваркамі кулеш,
На малацэ крупеню густу
Дае ўволю, толькі еж.
І з пастаялкай жур сьцюдзёны,
А з кашы сала аж цякло,
Ды і гусяціны смажонай
Уволю ўсім багом было.
Як унясла ж на стол каўбасы,
Бліны аўсяны ў рашаце,
Аж сьлінкі пацяклі ў Тараса
І забурчала ў жываце³¹.

С другой стороны, любой историк, вчитываясь в белорусские летописи «в глубину» увидит, что они представляют собой бесконечную череду историй о голоде и бедствиях, прерываемых благодарностями господа в случаях хорошего урожая.

Так, в году 1583:

Того ж року многа множества страшных и великих чудес господь бог оказати рачил: перуны и грады великия, сухость, морозы маль не через все лето были у Литве. От великого морозу на поли у колосьи жито посхло, многия дома панов зацных от перунов великих погорели, зиме з морозов и метелицы по дорогам многое множество людей убогих, также и купецких померло.

В 1600-х, после многочисленных устрашающих знаков и пророчеств, происходили «великие болести, хоробы, также войны великие, голод, неврожай силный; было поветрие албо мор»... В 1602-1603 гг. – «множество на Низ идучих; около тысец 4 з голоду мужей и жон, детей пошло так, иж страшно было видети, иж на улицах, по дорогах, по гумнах, у ровех псы мертвых многих тела ели». «А коли вже была весна в року 1602, тот наход людей множество почали мерти; по пятеру, по тридцати у яму [хоронили]». И всё-таки, весна 1602 г. «з ласки божей весна почалася добре, нижли до святого Юря ледво штос жито посееное почало з земли являтися, а другое усходити, и то потросе; почали орати на Страстной недели, а нѣкоторые до свята потросе маку, пшеницы посеяли». Только хорошее начало быстро оборвалось: «на Страстной недели во среду гром заgrimел велми грозный з дождем и з бурей немалою. А то был знак недобрый и праве злый, бо на десятой недели того ж року 1602, в четверток великий, страшный был мороз: што было цветов, то все поморозил. Правда, початок был грозный, а остаток плачливый: што было огородных речей — капуста, ботвинье, цибуля, маки, горохи, ячмень, ярица, то все мороз побил, чого в великим плачем было видети тех людей голодных, которые толко огороды были засеяли, а жита не починали. ...У восень жито посеяное велми было урунилося. З ласки божей осень ... было велми зелено. Также севба позная добра была...» Вот уже и «Народ божий з Низу до домов своих назад пошел», да только новые бедствия посетили белорусские земли – «в месте Виленским, в Менску, у Радошковичах, на Орши, у Шклове и по инших многих замках было поветрее великое в пост Филипов». Наконец, «з лаской божое было по всим странам здорово... А за таковое милосердие и великую его ласку честь и хвалу господа богу воздавали, пили и ели. А которые померли, тех упоминали, плакали, жаловали и паметку творили за тех душ и за грехи их господа бога просили, абы господь бог не поменул грехов их. Тепер же радость великая была, иж муж жену в далеких странах знашол, отец сына, матка дети, дети матку, приятель приятеля, ближний ближнего своего; а где который умер, от тех один одному поведал, где похован³².

Эти строки из летописей указывают на силу, всегда незримо присутствовавшую в те времена – голод. Они звучат сегодня как литургия и, безусловно, бесконечно далеки от понимания современного человека, и в то же время без осознания постоянного присутствия *голода как социокультурного явления* невозможно понять мироощущение людей прошлого.

Две главные составляющие питания в средневековье – сезонность и призрак голода, тем не менее, практически не нашли отражения в картине «сапрауднай беларускай кухні», реконструкцией которой заняты сегодня многие белорусские историки. Этот процесс реконструкции, представляет собой, безусловно, одну из сторон «поиска себя» -- истоков, идентичности. Однако, говоря об идентичности и её корнях, вспомним слова М. Монтанари о том, что «не истоки, но *мы* сами являемся отправным пунктом: идентичность не существует с самого начала (сама по себе), но формируется в процессе (развивается на своём пути)»³³.

Конструирование национальной истории: «возрождение» национально-ориентированных и литвинских версий

Сегодня конструирование национальной истории Беларуси проходит интенсивный период, причем как в своей официально-государственной, так и в оппозиционной версиях. Естественно, что и история белорусской кухни становится «полем битв» различных интерпретаций «национального». В этих условиях приходится слышать, что «задача культуры – развить и усовершенствовать, «облагородить» эти ассоциации (ассоциации, укорененные в потребительской культуре)»³⁴.

Последние пятнадцать лет отмечены резким всплеском интереса к традиционной белорусской кухне³⁵. Среди многочисленных кулинарных книг и статей некоторые имеют совершенно этнографический характер, другие представляют собой сборники рецептов, но целом большая их часть выступает за идею «реконструкции» традиционной белорусской кухни.

Остановимся более подробно на тенденции «реконструирования национальной кухни», которую предлагает «литвинство», акцентирующее ту часть истории, когда белорусские земли были частью Великого княжества Литовского, а «политической нацией» были «литвины» (отличающиеся от современных «литовцев»)»³⁶. Эта идеология уходит своими корнями в начало XIX века и связана с деятельностью таких интеллектуалов, как Игнатий Данилович, Михаил Бобровский, Йозеф Ярошевич, Теодор Нарбут и др., рассматривавших себя как потомков ВкЛ и считавших, что именно литвины должны унаследовать их достижения³⁷.

Черты «литвинской» версии репрезентации кухни были взяты на вооружение белорусской эмиграцией в США. Книга, изданная М. Станкевич в Америке в 1959-1961 гг., о «великолитовской-белорусской» (Greatlitvanian, Byelorussian) кухне, посвящалась «тем, кто осознает себя как уроженец исторического Великого княжества Литовского, сегодняшней Беларуси»³⁸. Вся книга носила отпечаток идеи о том, что Беларусь – это «Великая Литвания и принадлежит западной цивилизации. В своих истоках, истории, культуре, психологии и этнографических характеристиках она представляет собой целостность, отличающуюся от своих соседей, особенно, от России, и меньше – от балтийских стран»³⁹.

Современные работы по истории белорусской кухни в рамках литвинской традиции акцентируют внимание на антропологических подходах и, более всего, на истории повседневности и потребительской культуре. Например, известный белорусский журнал «Спадчына» посвящал несколько своих номеров этим проблемам⁴⁰.

Европейский характер белорусской культуры, ее принадлежность к Европе в каждом аспекте своей истории, включая кухню – достаточно распространенные акценты в многочисленных работах последних лет. Этнографически и исторически, романтизированный образ белорусской кухни представлен и в известном сборнике интервью и эссе «Беларуская Атлянтыда»⁴¹.

В то время, как признание значимости наследия и исторической принадлежности к Великому княжеству Литовскому является общей чертой всех национально или «литвински»-ориентированных историков белорусской кухни, между ними существуют серьезные разногласия. Например, обильно пишущий на темы истории питания Александр Белый известен в Интернет-сообществе как «Gorliwy Litwin»⁴², хотя это его «литвинство» не совпадает с пониманием других историков, делающих акцент на XVI веке ВкЛ и его наследии в белорусской культуре. Для А. Белого, «литвинство» – это, скорее, белорусские земли в XIX и начале XX вв., с их говорящими по-польски интеллектуалами, латинкой, Виленским университетом (закрытом в 1832 г.), «Литовским» законодательством (отменено в 1840 г.). Эта та самая «польскость», которая была выражена уроженцем Витебского района Александром Рыпинским, который посвятил свою книгу о Беларуси, изданную в Париже, «первому из белорусских крестьян, который научиться читать, а потом и говорить, и думать по-польски»⁴³. Это тот сорт «польскости», который был распространен среди самых разных слоев населения Беларуси на протяжении всего XIX века, даже с этой противоречивой и искренней верностью белорусских крестьян польскоязычным начальным школам, запрещенным в 1864 г. и перешедшим на подпольное существование, но все равно работавшим на деньги крестьян⁴⁴.

Хотя тонкие границы, разделяющие различные вариации внутри литвинской ориентации, порой сложно четко очертить, эти теоретические дифференциации не слишком сильно влияют на практику исследовательской работы. В результате, в работах А. Белого, не принимающего идеологию «Белорусского возрождения», реконструируется всё та же «настоящая белорусская кухня»⁴⁵.

Многочисленные статьи, посвященные тому, «што смакуе беларусам», деятельность блоггеров, собирающих белорусские рецепты⁴⁶, открытие новых «аутентичных» ресторанов или научные работы историков, этнографов и исследователей белорусской кухни⁴⁷ – части одного и того же феномена. Очевидно, что стремительно растущее современное общество потребителей в Беларуси находится в поиске собственной культурной, в самом широком определении «культуры», идентичности, и находит её в таких приближенных к повседневной жизни сферах, как питание и кухня.

Естественно вытекая из процесса национального конструирования и/или воображения, «культурное возрождение» предполагает не только написание национальной истории и литературы, но и национальной кухни⁴⁸. Эти процессы начинались в конце XIX в. на белорусских землях, но их развитие было задержано событиями Октябрьской революции, военными действиями, созданием марионеточного социалистического государства. Сегодня белорусы находятся в поиске собственной идентичности и, соответственно, её составляющей – кухни. В этом случае, деятельность «агентов» этих процессов, историков, представляется экзemplярной.

Так, история *Крамбамбули* (крепкого алкогольного напитка, широко разрекламированного в «национально-ориентированных» кругах как «истинно белорусского со времён Великого княжества Литовского»⁴⁹), ярко демонстрирует процесс национального конструирования и его «побочные эффекты». Выпущенный на рынок как «капля истории», этот напиток должен был символизировать легендарную, «литвинскую», часть белорусского прошлого. Тем не менее, в реальности *Крамбамбуля*

вовсе не принадлежит к наследию ВкЛ. Она производилась на ликёрной фабрике Исаака Веделя Линкса и Эйдама Дирка Хеккера в Данциге и начала своё распространение на территории Беларуси только в XIX в. (когда Великое княжество Литовское уже не существовало), причём её оригинальные ингредиенты (можжевеловые ягоды и брэнди) заменились на более традиционные для белорусских земель мёд, водку и специи. Тем не менее, рецепт *Крамбамбули* принят и коммерциализирован как специфически белорусский с литвинских времен.

Существенной составляющей национально- и литвински-ориентированной историографии «настоящей белорусской кухни» являются сюжеты об утерянных кулинарных традициях, которые были к тому же присвоены соседними культурами в качестве их кулинарных достопримечательностей.

Как раз одним из таких примеров служит история белорусского или «литовского» твёрдого ферментированного сыра. Она начинается с незапамятных времён, когда на белорусских землях знали лишь белый творожный сыр, с вариацией в виде «клинкового», т.е. высушенного в виде «клинка» творога в марле и висевшего несколько месяцев. Сегодня такой тип сыра называется *Lietuviškas varškės suris* (литовский творожный сыр). Новый виток «сырной» истории начинается в 1859 г., когда технология ферментации сыра, заимствованная из Голландии, пролучила распространение в Беларуси. Историки установили, что производство такого твёрдого сыра было запущено сёстрами Брахоцкими недалеко от Гродно – на шесть лет раньше, чем начало сырного кооператива Верещагина в России в 1866 г.⁵⁰ В течение второй половины XIX в. производство сыра, от «швейцарского» до «эдама», распространилось в различных районах Беларуси. Отсюда он широко экспортировался в другие регионы Российской империи. Любопытно, что этот, белорусский, ферментированный сыр зачастую назывался в России «литовским»⁵¹. Как бы то ни было, к началу XX в. традиция его производства на белорусских землях начала деградировать, и к сегодняшнему дню в магазинах Беларуси можно найти любые типы сыров, за исключением, пожалуй, «настоящего белорусского» – *литовского*, а точнее, *литвинского*.

Следует отметить, что ностальгия по «старым добрым временам» «литовского» прошлого (подразумевающая для одних «Золотой век» ВкЛ, для других -- культурную атмосферу польскоязычной интеллигенции XIX в.) весьма красочно подпитывается смачными описаниями «настоящих» белорусских блюд, несправедливо забытых или исчезающих в результате драматического хода белорусской истории. Среди них копченые гусиные грудки (*паўгускі*), «калбаса, пальцам пханая», *веращачка* или *мачанка* (концентрированный мясной соус с кусочками мяса и колбасы, подаваемый с блинами), *бабка* (тёртый картофель, запечённый с луком, свиной и специями), *драники* (картофельные оладьи), *калдуны* (тип картофельных клёцек)...

Часто предполагается, что все эти и другие блюда раньше можно было найти практически на столе каждого белоруса и что белорусское население, в большинстве своём крестьянское, могло иметь одинаковые с аристократами кулинарные приёмы, различающиеся лишь в качестве и количестве. Т.е. «настоящая» белорусская кухня могла быть чем угодно, но только не кухней бедняков. Ещё одним краеугольным камнем литвинской и национально-ориентированной версий белорусской кухни является их акцент на мультикультурном характере, на адаптациях и заимствованиях: *бабка* адаптирована из еврейского кугеля, родственников популярных белорусских *драников* можно найти в немецкой или польской кухнях, *калдунов* – в литовских *цепелинах*, а *лазанков* – в итальянской *лазанье*.

Национально- и литвинско- ориентированные истории подчеркивают разнообразие белорусской кухни и влияние на неё многих культур – польской, литовской, еврейской,

татарской – многих, кроме русской. Здесь просматривается ещё один важный маркер, отграничивающий эти направления в историографии от другого – официально пропагандируемой «белорусской славянской кухни», с лежащей в её основе идеологией *западно-руссизма*.

Конструирование национальной истории – 2:

модернизированный западно-руссизм, или «белорусско-славянская» версия

Западно-руссизм возник ещё в XVIII в., однако основной его рост приходится на вторую половину XIX в., с восстанием 1863-1864 гг. в качестве его катализатора⁵².

События этого времени были действительно знаменательными: лидер польского восстания на территории Беларуси, Константин Калиновский впервые выступил с призывом к крестьянам – его «Мужицкая правда» была написана латиницей на белорусском языке. Несмотря на левые радикальные настроения среди повстанцев и их обещания дать землю крестьянам, большинство крестьянства не поддержало восстания (среди повстанцев крестьян насчитывалось менее 13 %). Свою роль в том, что повстанцы не нашли широкой поддержки, сыграл и тот факт, что в самом начале восстания царские власти объявили о 20-процентной скидке крестьянам их выплат за землю.

Именно в контексте «борьбы за народ» началась массированная пропаганда идей «западно-руссизма», изначально направленная на то, чтобы «вернуть» белорусское крестьянство от Польши в сторону России. Как отмечает Н. Вакар, вплоть до 1863 г. этническое сознание и провинциальный патриотизм были белорусскими, но «их сущность была польской». После 1863 г., когда белорусские крестьяне не поддержали восстание, «местные описывались с симпатией и сочувствием к их тяжёлой доле; их скромность и смирение восхвалялись; их простые нравы и неразрывная связь с родными лесами и болотами вызывали восхищение. Провинциальный патриотизм приобрёл новое значение: белорусский по форме, он был теперь русским по сущности»⁵³.

Ядром западно-руссизма стала идея, звучащая как оксиморон – идея единства и неделимости всех русских, *включая белорусов*⁵⁴. Это очевидно восходит к славянофильской идеологии, с её позднейшим развитием «роли России», «судьбы России», «русской идеи» как воплощения всех восточных славян. Один из самых крупных представителей западно-руссизма, Михаил Коялович, утверждал в этой идеологии две главные опоры. Во-первых, единство исторических судеб всех «русских народов» (под которыми понимались русские, белорусы и малороссы), всегда «находились под властью русских князей рода св. Владимира, великаго князя киевскаго, и жили общею русскою жизнью». Вторым «столпом» этой идеологии была так называемая «народность» как черта всей русской культуры – в отличие от «отравляющих» и «чуждых» влияний польского доминирования, при котором дворянство и городские сословия подпадали под «бурный поток западноевропейской жизни», несший «возмущение мира совести и вероисповедные смуты, народную порчу... и страшное порабощение простого народа». Как следствие, «западно-руссизм» предполагал отрицание отдельного «западно-русского» (т.е. белорусского) языка, в котором не видел серьёзных отличий от русского, а лишь элементы «испорченности» польским влиянием. Греко-римская Брестская уния 1596 г. и вся униатская церковь провозглашались «лицемерным и унижительными», в то время как православие определялось как «русское» -- символ постоянных стремлений белорусского народа к единению с русскими. В то же время, западно-руссизм относился ко всему польскому как к оппозиционному: «наша» русская цивилизация versus «их» польско-латинской («латинство»); «западно-русское» дворянство (всегда рассматривавшееся как

«испорченное» польским влиянием) versus белорусское (и заведомо «русское») крестьянству⁵⁵.

С 1863 г. *западно-руссизм* быстро распространяется по территории Беларуси, *замещая* самую возможность роста *белорусского* национализма.

Несмотря на свой антинациональный и противоречивый характер, западно-руссизм дал возможность роста т.н. «регионального патриотизма», главным образом, выражавшегося в этнографическом (этнографические описания, сборники песен, обычаев и т.д.), историческом (археологические экспедиции, архивные публикации) и литературном измерениях⁵⁶.

Именно наличие «польского фактора», конкурирующего в деле «пересоздания литвина, белоруса и малоросса» было наиважнейшим в развитии западно-руссизма. Коялович писал, что даже если бы это «пересоздание» было свободным процессом, «то и тогда всякий разумный литвин, белорусс и малоросс должен бы задуматься, не лучше ли в таком случае делаться великоруссом, а не поляком, не лучше ли пристать к сильному, чем к слабому, не лучше ли сливаться с могущественною, спокойною Россией, чем с слабою, вечно мятущейся Польшей? И такое соображение должно получить тем большую силу, что никто из малороссов, белоруссов и литвинов, усвояя русское образование и язык, не делается через это врагом своего племени, из которого вышел, а делаясь поляком, он непременно дурно относится к своему племени»⁵⁷.

В этих взглядах западно-руссизма вновь прослеживается идея «народности» как вневременной и вечной характеристики русской культуры, соединяющей все слои российского общества: «Есть у них общия основы и такие стороны жизни, на которых сходятся и объединяются все русские люди, какого бы сословия они не были: их религиозныя верования;...народныя историческия предания одинаково говорят русской душе, как высшей, так и низшей среды;... единство языка»⁵⁸.

В идеологии западно-руссизма большую роль сыграли процессы национального «конструирования/воображения», протекавшие внутри самой русской нации. Легко узнаваемые «Православие. Самодержавие. Народность» в белорусском (а точнее, в «западно-русском» контексте) приобретают новые нюансы: тот факт, что большинство белорусов были крестьянами⁵⁹, и что крестьянство в большинстве своём не поддержало восстание 1863-1864 гг., представлялось царскими идеологами как подтверждение, доказательство «народности» присоединения к Российской империи (в иных терминах, «воссоединения») и, естественно, сыграло главную роль в распространении западно-руссизма. Этот же факт использовался западно-руссизмом как аргумент в пользу положения об отдаленности, сепаратизме и узости интересов белорусского дворянства, которое, как обосновывалось, было совершенно чуждо народу как по своему характеру («польскому»), так и по своим языку, вере и повседневной жизни (и, как покажем ниже, анализируя «кулинарный дискурс» западно-руссизма, по кулинарным практикам).

Следует отметить, что даже сегодня, антагонистические характеристики «чужеродный характер» / «народность» в отношении дворянства белорусских земель играет ключевую роль в историографии. Собственно, и сам процесс национального строительства в конце XIX в. начинался с того, что белорусские интеллектуалы ставили на повестку дня и доказывали аутентичный характер белорусской шляхты.

Сегодня этот антагонизм проявляется в двух противоположных взглядах на историю кухни. С одной стороны, репрезентация белорусской кухни национально-ориентированными (и литвински-ориентированными) историками. С другой – модернизированный западно-руссизм. Если первые рисуют аутентичный характер белорусской шляхты⁶⁰, зачастую подчеркивая, что мещанство и крестьянство ели в принципе идентичные блюда (как то «гуска» или «каўбасы»), и следовали общей

традиции иметь на рождественском столе не менее 12 блюд⁶¹, то вторые, «западно-руссисты», напротив, акцентируют (1) «народную» модель кухни, фактически низведенную до уровня бедной и постоянно голодающей «мужицкой», крестьянской кухни XIX в. и (2) кухни совершенно чуждых народу аристократов, говоривших польски и живших совершенно иной, польской, культурой.

Главные противоречия в этих двух версиях белорусской кухни очевидны: «настоящая белорусская кухня» времён пребывания белорусских земель в составе Великого княжества Литовского (либо «литвинский» период XIX в.), с одной стороны, и модернизированная и принятая официально версия западно-руссизма с её акцентом на бедности народа, а также некоем безликом, но как бы разлитом повсеместно, «славянском наследии», представленном такими «истинными ценностями» кухни, как картофель, ржаной хлеб, чарка и шкварка. Действительно, это «наследие», получившее распространение во времена Российской империи и особенно в советский период, является «завоеванием», практически универсальным, но не только для славянских русского, белорусского, украинского народов, а и для многих других народов бывших советских республик, наряду с салатом «Оливье» или «Докторской» колбасой.

О картофеле, «бульбашах» и символике

Несмотря на противоречия, и «национально-литвински», и «западно-руссистки» настроенные исследователи рассматривают картофель (бел. «бульба»⁶²) как символический продукт.

Например, Годар Кашкуревич пишет: «Урэшце наш народ быў названы ліцьвінамі. Цікава, што гэтая назва зьвязаная й з кулінарным кодам, як тое, што «ліцьвіны спажывалі шмат бацьвіны»...Але нічога абразьлівага ў гэтым не было. Беларусы, вядома, не былі вэгетарыянцамі, і ядзеньне мяса было дастаткова пашыранае, але шырока ўжывалі ў ежу й бацьвінне. А бацьвіннем называлі ня толькі вяршкі буракоў, але й цыбулю, кроп, пятрушку, лебяду, крапіву, шчаўе. У той час, калі мы былі ліцьвінамі й елі бацьвінне, мы былі актыўным народам — ініцыятыўным і з пачуцьцём годнасьці, у добрым сэнсе нават агрэсіўным. Гэты народ здольны быў весці ня толькі абарончыя, але й наступальныя войны. Парадаксальна, але з таго часу, калі тутэйшыя людзі пачалі масава, рэгулярна спажываць бульбу, нацыянальны стэрэатып памяняўся. Да таго, што беларус-бульбаш памяркоўны, талерантны, рахманы, я дадам яшчэ, што ён бязвольны й абьякавы»⁶³.

Такое многозначительное отношение к картофелю имеет давнюю историю. Картофель получает широкое распространение на территории Беларуси с середины XIX в. и становится популярнейшим продуктом в белорусской кухне. В советские времена, неофициальное прозвище всех белорусов – «бульбаш», главным образом, благодаря региональной специализации всех республик Советского союза. На протяжении 1970-80-х гг. в Советской Беларуси велась селекция улучшенных сортов картофеля, которые выращивались на третьей части всех картофельных полей СССР. В это время Беларусь экспортировала более 500 000 тонн свежего картофеля и до 300 000 тонн семенного картофеля⁶⁴.

После того, как Советский Союз прекратил своё существование, «картофельная» специализация Беларуси также пришла в упадок и существенно сократилась: за годы 2000-2009 объем экспорта картофеля составил, по официальным данным государственной статистики, менее 28 000 тонн⁶⁵ (а по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединённых Наций, и вовсе 17 000 тонн⁶⁶).

Тем не менее, даже сегодня Беларусь остаётся на первом месте в мире по потреблению картофеля на душу населения – 181 кг на человека в 2005 г. (188,85 кг на человека в 2007 г.) и восьмое место в мире – по его производству⁶⁷. И естественно,

именно картофель является главной сельскохозяйственной культурой в Беларуси (2008 г.)⁶⁸.

Кроме таких фактических причин, созданию внешнего стереотипа «бульбаша»-белоруса способствовали и исторические факторы: картофель приходит на территорию Беларуси раньше, чем в Россию (в правление Августа III Саксонского, в середине XVIII в.) и к середине XIX в. распространяется настолько, что уже считается «вторым хлебом». Самое название картофеля в Беларуси – *бульба* – имеет долгую историю, задолго до его широкого распространения. По одной из версий, в старые времена *бульвой* называли топинамбур, и это название перешло потом на картофель. По другой, легендарной, но достаточно символической, версии, *бульбой* на белорусских землях в Средние века называли камни⁶⁹ (а Короткевич рассказывает сказку о бедняке, сварившем такие камни и спасшемся от голода⁷⁰). Когда картофель появился, он стал называться уже знакомым словом (*бульба* отличается от русской *картошки*, польского *ziemniaka*, украинской *картопли*).

Белорусская поговорка говорит: «Усё можа прыесца, але хлеб, бульба і капуста не прыедзяцца»⁷¹, в то время как народная песня возводит в ранг символа:

Гарні, гарні бульбу з печы, ў торбачку і на плечы.

Бульбу пякуць, бульбу вараць, бульбу ядуць, бульбу хваляць.

З бульбы мука, з бульбы каша, прападзі ты, доля наша!⁷²

Символично и то, что в отношении белорусского картофеля актуальны всё те же наблюдения о многосторонних культурных заимствованиях: стереотипически «истинно белорусское» блюдо – картофельные драники – распространено также и в немецкой, и польской кулинарных традициях, придя на белорусские земли, по всей видимости, из еврейской корчмы. Зато знаменитые во всём мире еврейские *latkes* (латкес) берут своё название от белорусских аладкаў⁷³.

С другой стороны, как и повсюду, в Беларуси имеется своя история «молчаливого сопротивления» народа распространению картофеля. Так же, как и во многих европейских странах (вспомним французского А.-О. Парментье), в белорусской истории присутствуют свои легенды и ключевые фигуры в деле картофелеводства. Так, в начале XIX в. на Могилёвщине некий генерал Гернгросс, влиятельный землевладелец и энтузиаст картофеля, взялся за его распространение среди своих крестьян, однако, удивительным образом, корнеплод никак не приживался. Вскоре выяснилось, что в течение дня крестьяне выданный картофель высаживали, а по ночам выкапывали его и выменивали на водку в ближайшей еврейской корчме. Тогда генерал начал выдавать не целые, а порезанные клубни. В результате, на следующий год был собран хороший урожай, и так картофель начал своё триумфальное шествие по белорусским землям⁷⁴.

В 1854 г. В. Завадская в своём известном сборнике «литовских» рецептов (собранных на территории бывшего ВкЛ, а потому и на белорусских землях тоже) описывала четырнадцать блюд, приготовленных из картофеля («kartofle», поскольку книга была написана по-польски)⁷⁵. Сорок лет спустя, в 1894 г. Н. Никифоровский писал о картофеле как о самом важном продукте повседневной жизни в Беларуси. Даже хлеб изготавливался с добавлением картофеля – так называемый «картофельный хлеб», с равными частями ржаной муки и тертого картофеля. «Кто отвеживал этого хлеба, -- писал Никифоровский, -- тот признает, что приятный вкус его и белизна не уступают лучшим сортам печеного хлеба, и нет ничего удивительного, что некоторые сельские интеллигенты потребляют «бульбяной» хлеб наравне с простолюдином»⁷⁶.

Кулинарно-лингвистические перекрёстки: чарка-шкварка и трясанка

В советские времена распространение картофеля в Беларуси стало ассоциироваться не только с экономическими факторами, но со стереотипом белоруса вообще, питающегося исключительно бульбой, всегда голодающего, «с лицом землистого цвета картофеля»⁷⁷, «изможденного лихорадкой», с «бескровными губами» и «упавшими веками», с «колтуном в волосах», который «тупо молчит и механически ржавой лопатой мёрзлую землю долбит»⁷⁸

Сегодня в официальной государственной идеологии, с её клише на рекламных щитах «За Беларусь!» или образчиком музыкального китча – «Страна Бульбаша – мая Бела Раша», присутствуют и свои собственные кулинарные ассоциации. Таковыми являются бульба, чёрный ржаной хлеб, чарка и шкварка. «Традиционная кухня» Беларуси прошла через годы лишений, войн, голода, «советизации» и стала универсальной повседневной кухней «советского» стиля. Бульба-чёрный хлеб-чарка-шкварка – этот набор «кулинарных ценностей» стал своеобразным символом благополучия, особенно после того, как об этом высказался президент Беларуси. Более того, буквально несколько лет эти «ценности» настолько транслировались в массы, что было принято решение эту «социальную рекламу» убрать из средств массовой информации хотя бы частично. Тем не менее, употребление алкоголя на душу населения сегодня достигает 11,6 литра в год, что в два раза превышает показатели десятилетней давности.

Набор «кулинарных ценностей», состоящий из суррогата стереотипов и наследия советской эпохи является результатом своеобразной исторической адаптации, насильственной симплификации и подмены традиций. Механизм этой подмены в истории кухни родственен процессам в языке, в результате которых белорусский язык в Беларуси почти вытеснен русским, или точнее, так называемой *трасянкой* (от бел. *трасці*⁷⁹), представляющую собой всё тот же суррогат, языковую смесь, преимущественно белорусского с русским.

«Кулинарный набор» как система знаков, как язык, представляет собой коммуникативный код общества⁸⁰. На примере «кулинарного набора» официальной идеологии правительства Лукашенко мы наблюдаем, как внешний национальный стереотип превращается во внутренний, «авто-стереотип» – «бульбаш» советского периода переходит в новое постсоветское время не случайно. Совершенно логичной представляется официальная идеология и пропаганда фальсифицированной, поверхностной – «официальной» кухни, так же, как и официального русско-белорусского билингвизма, с русским языком как языком власти и администрации и суррогатом белорусского – трасянкой. Неслучайна и ассоциация трасянки и «официальной» белорусской кухни. «Обе они являются чистыми продуктами руссификации⁸¹», -- считает В. Шиманец. ...И советизации – добавим мы.

Этот феномен культуры и кухни идеологически вписывается в рамки западно-руссизма: подмена белорусского чем-то слегка отличающимся от русского, но всё же не настолько радикально, чтобы по-прежнему оставаться «младшим» по отношению к «старшему».

Т. Снайдер продемонстрировал механизм такой подмены на следующем примере о белорусском языке в XIX в. «В то время, как литовское и украинское национальные пробуждения происходили как сопротивления, в Беларуси процесс отличался: 'белорусское' не запрещалось; главное, чтобы оно писалось на кириллицей, а не латиницей («польскими буквами»). Написанные «русскими» буквами, белорусские тексты сильно, слишком сильно, были похожи на русские... Проблемой перевода на белорусский язык Дунина-Марцинкевича «Пана Тадеуша» было то, что его титульный лист выглядел совершенно по-польски (т.к. был написан латиницей), и в то же время, написанный кириллицей, он выглядел бы совершенно по-русски⁸²».

Тем же путём происходила подмена понятий, когда в советское время в школах Беларуси учителя истории толковали об «истории Отечества» и подразумевали историю России, а дети узнавали вначале о восточнославянском первопечатнике Иване Фёдорове, и лишь затем (и необязательно), о Франциске Скорине.

Если мы продолжим проводить параллели между языком и кухней, следует отметить, что в отличие от белорусского языка, подвергнувшегося официальному реформированию в 1933, 1957 и 2008 гг. с целью максимального сближения белорусской и русской орфографий, процесс подмены белорусской кухни её суррогатом происходил в XIX и XX вв. постепенно, практически незаметно, но постоянно и неизбежно, низводя её до частного случая, варианта, русской кухни. Белорусские *калдуны* были подменены *пельменями*, а «Докторская» колбаса, своеобразный символ благосостояния в советское время, практически полностью вытеснила «*калбасу пальцам пханую*». Официально принятый вариант белорусской кухни сегодня вписывается в рамки западно-русизма, оставаясь верным «истинным славянским ценностям» и народным традициям, низведенным до уровня картофеля, черный хлеб, чарка, шкварка и ностальгический салат «Оливье».

Как подчёркивал М. Монтанари, «кухня является местом, где складываются идентичности и происходят культурные обмены»⁸³. Мы могли бы добавить, что кухня также является и пространством, где происходит национальное строительство. Как зеркало, кухня отражает все движения и тенденции национальной идеи; это место, где наблюдается ассимиляция и «переваривание» национальной идеи и в Беларуси. Эти процессы подвижны и множественны; они создают целую мозаику идентичностей, в которой каждый элемент неразрывно связан со многими другими – как советская ностальгия по ставшему притчей во языцех салату «Оливье» и *vice versa*. Нельзя забывать, что в Беларуси, как и повсюду в пост-советском мире, национальные аспекты неизбежно связаны с социальными интересами; подобным же образом, нельзя исключать «возможности сочетания первичной самоидентификации со множественными или не-национальными идентичностями». Здесь, «дискурс национальных тем имеет тенденцию захватывать также такие понятия, как рыночная экономика (и либеральная демократия) *versus* социализм (и политическое применение силы) в качестве различных путей предоставления средств. Этот дискурс служит для выражения классового недовольства, поскольку связан уже не столько с национальной принадлежностью, сколько с социальными интересами»⁸⁴.

Уровень повседневности, и в особенности её репрезентации в историографии и идеологии в терминах кухни, демонстрирует несколько одновременных дискурсов: (1) национально-ориентированный с постоянным тяготением в сторону Европы, включая «настоящую белорусскую кухню» с литвинским «привкусом»; (2) модернизированная / советизированная версия западно-русизма с подтекстом в виде «истинно славянских» ценностей, размытой и выхолощенной «народной» кухней, ориентированной на ностальгию по «старым добрым временам» советской жизни. Оба этих типа основываются на определённом символическом наборе продуктов, блюд и на «своих» точках отсылки – референтных исторических периодах. Оба этих типа дискурса воплощают главные тенденции национального «воображения», состоящие из множества идентичностей, и их анализ может помочь в понимании противоречивой истории и общества Беларуси.

¹ Перевод на русский. Оригинал на англ.яз.: см. опубликована SHID ZAHID

² Goujon A. Nationalisme et identité en Biélorussie>//Chailot Paper. Changing Belarus/ Ed. by D. Lynch; Institute for Security Studies; European Union. Paris. 2005. № 85 (November). P. 23.

³ Ioffe G. Culture Wars, Soul-Searching, and Belarusian Identity//East European Politics & Societies. 2007. Vol. 21. № 2 (May). P. 348–381.

⁴ См исследование, анализирующее белорусские учебники: Zadora A. Construction d'une identité nationale biélorusse au prisme du système éducatif [thèse]/ Sous la direction de M. Y. Deloye. Strasbourg, 2010//http://scd-theses.u-strasbg.fr/2057/01/ZADORA_Anna_2010.pdf

⁵ Это произведение, созданное в контексте начала упадка ВкЛ и дискриминации православной «русской» знати в Речи Посполитой, проникнуто ностальгией по «старому доброму времени» короля Сигизмунда I, который «солодкая память его, — той немцев, як собак, не любил и ляхов з их хитростю велми не любил, а Литву и Русь нашу любително миловал. И горяздо лепш нашия за него мевалися, хоть в так дорогих свитах не хаживали. Другие без ноговиц, як бернардыны, гуляли, а сорочки аж до костей, а шапки аж до самого поеса нашивали. Дай, боже, изнов такой години приждати и тепер!». Прамова Мялешки, каштеляна Смаленскага, на сойме у Варшаве у 1589 г. // Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Избранные произведения XVI – начала XIX веков. Минск, 1962. С.267.

⁶ Котлярчук А. С. Праздничная культура в городах России и Белоруссии XVIII века: официальные церемонии и крестьянская обрядность. Санкт-Петербург, 2001. С. 213–215.

⁷ Оставляя за рамками этой статьи вопрос, на каком языке печатал свои книги Скорина – церковно-славянском, или белорусском, отсылаем читателя к обширной литературе. И в пользу первого, и в пользу второго существуют многочисленные аргументы П. В. Владимировой, А. И. Журавского, А. В. Флоровского, не говоря о современной белорусской историографии. Скорина писал: «Повелел есми Псалтырю тиснути рускими словами а словенским языком [...]». // Скарына Ф. Библия: Факс. ўзнаўленне Библии, выд. Ф. Скарынаў ў 1517-1519: У 3 т. – Мн.: БелСЭ. В 3-х тамах. Том 1. 1990. С. 18.

⁸ «А писарь земьскъй маеть поруску литерами и словы рускими вси листы выписы и позвы писати а не иншимъ езыкомъ и словы». Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мінск, 1989. С. 217.

⁹ Анализ С. Рысинским философии Сенеки (Solomonis Rysini Sarmatae Ad Epistolas L/Annei Senecaephilosophi stoici, notarum sive conjecturarum Liber. Norinbergae, MDCXX) был широко известен в Западной Европе и комментировался Эразмом Роттердамским и Й. Ю. Скалигером (Поретский Я. И. Соломон Рысинский. Solomo Pantherus Leucorossus. Конец XVI – начало XVII веков. Минск, 1983.). См. также Lulewicz H. Rysiński (Rysinius Sarmata, Pantherus) Salomon histoja//Polski Słownik Biograficzny. Vol. 33 (4). Wrocław, 1992. Pp. 553–557; Poretskij Ja. I. Solomon Rysinskij...P. 8.; о проблемах этнического самосознания и этнонимах вообще в это время см.: Этническое самосознание славян в XV столетии/ Под ред. Б. Н. Флоря, Г. Г. Литаврин, Г. П. Мельников. Москва, 1995.

¹⁰ Мікалаеў М.В. Гісторыя Беларускай кнігі. Т. 1. Кніжная культура Вялікага княства Літоўскага. Мінск, 2009. С. 84.

¹¹ Так, польская историография традиционно считает Яна Вислицкого (Ioannes Visliciensis, Jan z Wislicy) и Николая Гусовского (Nicolaus Hussovianus, Mikolaj Hussowczyk) нео-латинскими польскими поэтами Ренессанса, см., например, Segel H. B. Renaissance Culture in Poland: The Rise of Humanism, 1470–1543. New York, 1989. P. 121. Мы, естественно, не претендуем на оспаривание этой позиции, хотя можем привести слова самого Вислицкого, который всё же отличал себя от «польских поэтов»: «Няхай ад польскіх вешчуноў адрозны я, Недэталёва, недакладна, мо, спяваю тут, – А так, як варварскі вяшчун і як сармат. Не палічы за грэх мне, о вялебны пан», или сошлёмся на анализ самосознания Вислицкого, проведенного Ж. Некрашевич-Короткой – см. Joannis Visliciensis Bellum Prutenum = Ян Вісліцкі. Пруская вайна: На лацінскай і беларускай мовах / Уклад., перакл., камент. Ж. В. Некрашэвіч-Кароткай. – Мн.: Прапілеі, 2005. – 233 с., с. 18-21, 179.

¹² Подокшин С. А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы. Минск, 1970. С. 44.

¹³ Грыцэвіч В., Мальдзіс А. Шляхі вялі прыз Беларусь. Мінск, 1980.

¹⁴ Мильников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI—начала XVIII века. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. С.234; Подокшин С.А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы. Минск, 1970, стр.64. О.Ш.: по материалам библиотеки исправлена фамилия – Giovanni Francesco Commendone.

¹⁵ Tereshkovich P. The Belarusian Road to Modernity//International Journal of Sociology. 2001. Vol. 31. № 3 (Fall). P. 81.

¹⁶ Белы А. Дай мне булку на паўзлоты, ды прыпраў мне себядца...// Наша страва. Сапраўдная беларуская кухня /Рэж. А. Белы. Мінск, 2010. С. 186.

¹⁷ Молчанова Л. А. Очерки материальной культуры белорусов XVI — XVII вв. Минск, 1981. С. 48.

¹⁸ Мильников А. С. Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой коммуникации // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Ленинград, 1989. С. 7-37

¹⁹ Скарына і яго эпоха/Акадэмія навук Беларускай ССР. Інстытут літаратуры імя Янкі Купалы. Мінск, 1990. С. 140.

- ²⁰ Nicolai Hussoviani. *Carmen de statura feritate ac venatione bisontis*. Cracoviae, 1523. Мікола Гусоўскі. *Песня пра зубра*. Мінск: Мастацкая літаратура, 1980.
- ²¹ Мелешко В. И. *Очерки аграрной истории Восточной Белоруссии*. (вторая половина XVII – XVIII в.) – Мн., 1975.
- ²² Прамова Мясешкі // *Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии ...*, с. 53.
- ²³ Три редакции Статута ВкЛ -- 1529 (написан на старобелорусском кириллицей, напечатан в Познани латинкой), 1566 и 1588 (при участии Льва Сапеги). Последняя редакция действовала до 1840.
- ²⁴ *Этнаграфія Беларусі*. Энцыклапедыя. Мінск, 1989. С. 66.
- ²⁵ См. убедительную аргументацию Котлярчук А. Самосознание белорусов в литературных памятниках XVI — XVIII веков // *Русь — Литва — Беларусь*. Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии. По материалам конференции 90-летия Н. Н. Улашика. Москва, 31.01.1996. Москва, 1997. С. 82–89.
- ²⁶ Тодар Кашкурэвіч, *Што смакуе беларусам*// *Беларуская Атлантада*. Рэд. В. Ракіцкі. Прага, 2006, с.173.
- ²⁷ Баркулабовская летопись. Полное собрание русских летописей в 37 томах. Т. 32. Москва, 1975. С. 176.
- ²⁸ Sielicki F. *Podania, legendy anegdoty i przyslowia na Wileiszczyźnie w okresie miedzywoennym*. Wroclaw, 1993, p. 165
- ²⁹ М. Меховский «Трактат о двух Сарматиях» 1517 г., цит. по Мьльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI—начала XVIII века. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999, с.125.
- ³⁰ Галенченко Г. Шляхетская демократия в Великом княжестве Литовском XVI – XVIII веков // *Белоруссия и Россия: общества и государства*. Ред. Д. Фурман, Москва, 1998.
- ³¹ К. Вераніцын. Тарас на Парнасе. Вільня: Друкарня М. Кухты, 1909, с. 11-12.
- ³² Баркулабовская летопись. Полное собрание русских летописей в 37 томах. Т. 32. Москва, 1975, сс. 174-192.
- ³³ Montanari M. *Le manger comme culture*. Bruxelles, 2010. P. 133.
- ³⁴ Bely A. *Ад Редакцыі//Спадчына*. 2003. № 2–3.
- ³⁵ Derbicheva L.D. *Belarusian Cuisine/Transl. into English by A. Wise and V. Tikhonovich*. Minsk, 1994; Наваградскі Т. А. *Традыцыі народнага харчавання беларусаў*. Мінск, 2000; Зайковский Е., Тычко Г. *Старобелорусская кухня*. Мінск, 2001.
- ³⁶ См. Latyszonek A. *Krajowość i “zapadno-russizm”*. *Tutejszość zideologizowana//Krajowość — tradycje zgody narodów w dobie nacjonalizmu*. Poznań, 1999; Смалянчук А. Ф. *Паміж краёваасцю і нацыянальнай ідэяй*. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 — люты 1917 г. СПб, 2004 (1 изд. -- Гродн 2001); Куль-Сяльвестрава С. Е. *Асаблівасці фармавання беларускай нацыянальнай культуры ў канцы XVIII — першым дзесяцігоддзі XIX ст.: паміж польскай і літвінскай традыцыямі* // *Польска-беларускія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі*. *Proceedings of the VII International conference “Shliak da uzaemnasti”*, Bielystok 18.07.1999. Bielystok, 2000; Терешкович П. В. *Украинцы и белорусы: сравнительный анализ формирования наций на фоне истории Центральной и Восточной Европы XIX — XX веков*// *Перекрестки*. 2004. № 1–2. Сс. 10–32; Его же. *Этническая история Беларуси XIX — начала XX вв*. Минск, 2004.
- ³⁷ Деятельность «литвинов», хотя и не носит сегодня этого названия, впечатляет своими масштабами: именно их усилиями «белорусская часть» наследия Великого княжества Литовского стала известна широкой публике. М. Бобровский и И. Данилович открыли Супрасльскую летопись, белорусско-литовские хроники первой половины XVI в. Кроме того, М. Бобровский был также известен как первооткрыватель книгопечатания и, в частности, Ф. Скорины, а И. Данилович изучал законодательную историю ВкЛ. Работы обоих существенно повлияли на атмосферу в Виленском университете и создание там студенческих обществ. Т. Нарбутт, позднее вошедший в историю как основатель литовской историографии, опубликовал *Хронику Быховца* (Вильно, 1846), самую полную версию Белорусско-Литовских летописей. Братья Тышкевичи прославились масштабными археологическими раскопками и коллекционированием «литвинских» древностей.
- ³⁸ *Grealitvanian (Byelorussian) cookbook / Ed by M. Stankevich*. Second enlarged edition. Hawthorne, N.J., 1972 (first edition 1959–1961).
- ³⁹ *Grealitvanian (Byelorussian) cookbook...* P. 21.
- ⁴⁰ *Спажывецкая культура* // *Спадчына*. 2003. № 2–3
- ⁴¹ *Беларуская Атлантада: рэаліі і міты еўрапейскай нацыі*/Рэд. В. Ракіцкі. Прага, 2006. Сс. 170–204.
- ⁴² Псевдоним, возможно, связанный с названием масонской ложи в Виленском университете (закр. 1822).
- ⁴³ Перевод О. Ш. Оригинал по-польски: «*Pierwszemu z kmiotkow białoruskich, co się najprzod czytać, a zatem mówić i myślić popolsku nauczy*». Rypiński A. *Białoruś. Kilka słów o poezji prostego ludu tej naszej polskiej prowincji, o jego muzyce, śpiewach, tancach*. Paryż, 1840. P. 5.

⁴⁴ Токць С. Беларуская вёска на мяжы эпох. Змены этнічнай самасвядомасці сялянства ва ўмовах распаду традыцыйнага аграрнага грамадства (па матэрыялах Гарадзеншчыны 19 — першай трэці 20 стагоддзяў. Гродна, 2002. Сс. 26–32.

⁴⁵ Bely A. The Belarusian Cookbook. New York, 2009; Бель А. Наша страва: сапраўдная беларуская кухня (1-е выд. Мінск, 2008, 2-е выд. Мінск, 2010).

⁴⁶ Сам по себе анализ деятельности Интернета по белорусской кухне может стать новым исследовательским полем. См., например, <http://blogi.brsmok.by/index.php?blogId=1>; <http://kulinaria.of.by/>; <http://belcook.com/cat/unsort/lito%D1%9Eskaya-gaspadynya/>; <http://dzietki.org/forum/viewforum.php?f=19>; <http://belaruscook.hotbox.ru/>; <http://belcuisine.ru/> и др.

⁴⁷ Энциклопедия белорусской кухни. Минск, 2008.

⁴⁸ Histoire et identités alimentaires en Europe/Ed. by M. Bruegel, B. Laurioux. Paris, 2002. P. 13.

⁴⁹ См. официальный сайт компании-производителя: <http://www.drink.by/production/krambambulya-a-drop-of-history>; Віктар Корбут, Крамбамбуля па-беларуску: французскі напой з Данцыгу часоў Вялікага Княства Літоўскага // Спадчына. 2003, №2-3.

⁵⁰ Алесь Бель. Litewski сыр // Спажівечка культуры // Спадчына. 2003. № 2–3.

⁵¹ Там же.

⁵² Хотя первый и чуть ли не единственный исследователь западно-руссизма, А. Цвикевич, считал, что его истоки в 1720 г. (когда Замойский синод утвердил ряд изменений в униатстве, сильнее связывавших его с католической церковью, чем вызвал сопротивление многих униатских священников и их сближение с Россией), мы не можем говорить о «западно-руссизм» в буквальном смысле вплоть до восстания 1863–1864 гг. После включения белорусских земель в Российскую империю, первым, кого можно было бы назвать истинным носителем идеи объединения униатской и русской православной церковью, был архиепископ, митрополит Иосиф Семашко (1798–1868).

⁵³ Vakar N. P. Belorussia: The Making of a Nation. Cambridge, Mass., 1956. P. 77.

⁵⁴ См. Цвикевич А. «Западно-руссизм». Нарысы з гісторыі грамадзянскай мыслі на Беларусі ў 19 і пачатку 20 в. 2 выд.: Мінск, 1993; 1 выд.: Мінск, 1929.

⁵⁵ Коялович М. О. Чтения по истории Западно России. СПб., 1884. Сс. 2–17.

⁵⁶ Здесь нельзя не привести в качестве примера издательскую деятельность Виленской археографической комиссии, издавшей 39 томов «Актов» в 1865—1915 гг.; или публикации сборников документов, относящихся к истории Северо-Западной России в 1867—1904); или деятельность православного церковного деятеля протоирея И. И. Григоровича (1792-1852), подготовившего к изданию в 1824 г. I том сборника документов «Белорусский архив. Часть I.» Archives de la Russie-Blanche. Lettres Anciennes. Premier partie. Moscou, imprimerie de S.Selivanovski, 1824). Обосновывая цель своего труда по сбору и публикации документов церковной и гражданской истории Белоруссии, он приводит в качестве главного аргумента отсылку на (1) Европу («Со времени распространения в Европе просвещения, почувствовали нужду в приобретении всеобщих о Государствах сведений. Ученые мужи и Патриоты старались узнавать взаимные отношения и обязанности народов, их уставы и права, чтобы взвесить силу их и благоденствие. Дюмон, Ример и другие оказали важные услуги Истории, открыв свету Государственные постановления» и (2) Польшу («Поляки, ревностные любители славы отечественной, могут похвалиться огромными собраниями старобытных прав своих и союзов отечества. Довольно упомянуть здесь о Гербурте, Сарничком и Догеле (о трудах их см. Бентковского Histor. Literatury Polsk. II, 138, 142, 683 и след.)» (с. VII).

Такова была и деятельность А. (Гонория) Киркора – известного виленского издателя, хранителя Виленского музея древностей; М. О. Безкорниловича, издавшего в 1845 «Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением других сведений», романтизирующие образы и легенды белорусской истории, как часть русской.

См. в целом «этнографическое народолюбие», охватившее в первой половине многих интеллектуалов, территориально, впрочем, не связанных и зачастую находившихся вдали от Беларуси – в Санкт-Петербурге, Москве, – получавших там образование и писавших на темы славянской истории, филологии, фольклористики (П. И. Шпилевский, И. И. Срезневский, К. Ф. Калайдович, М. К. Любавский...). Нельзя не привести в качестве примера издательскую деятельность Виленской археографической комиссии, издавшей 39 томов «Актов» в 1865—1915 гг.; или публикации сборников документов, относящихся к истории Северо-Западной России в 1867—1904).

⁵⁷ Коялович М. О. Чтения по истории Западно России. СПб., 1884. Сс. 10-11.

⁵⁸ Коялович М. О. Чтения по истории Западно России. СПб., 1884. С. 9.

⁵⁹ Weeks T. R. Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb, 1996. Pp. 70–91.

⁶⁰ См., например. М. Улашик. Из неопубликованного эссе о М. Богдановиче. // Русь — Литва — Беларусь. Беларусь: проблемы национального самосознания в историографии и культурологии. Сс. 220–

43; Мальдзіс А. Беларусь у лютэрку мемуарнай літаратуры XVIIIстагоддзя. Мінск, 1982. С. 91; Tereshkovitch P. The Belarusian Road to Modernity. Pp. 81–93.

⁶¹ Шапран С. От Сильвестра до Нового года: интервью с Адамом Мальдзисом //Белорусская деловая газета. 28/12/2004. № 1492.

⁶² Белорусское слово «бульба» было заимствовано посредством польских bulba, bulwa и чешской bulva из немецкого Bolle (bulb, tuber). From Fasmer M. Etimologicheskij slovar russkogo iazyka. Second edition. 4 vols. 1986–1987. Vol. 1. Moscow, 1986. P. 236.

⁶³ Кашкурэвіч Т. Што смакуе беларусам //Беларуская Атлантада: Рэаліі і міты еўрапейскай нацыі / Рэд. В. Раціцкі. Сс. 173–174.

⁶⁴ The International Year of the Potato, organized by Food and Agriculture Organization of the United Nations, <http://www.potato2008.org/en/world/europe.html>. См. также обновлённые данные FAO : <http://www.fao.org/potato-2008/ru/world/europe.html>

⁶⁵ Сельское хозяйство Республики Беларусь: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2010. С. 45.

⁶⁶ <http://www.fao.org/potato-2008/ru/world/europe.html>

⁶⁷ <http://faostat.fao.org/site/609/DesktopDefault.aspx?PageID=609#ancor>

⁶⁸ <http://faostat.fao.org/site/339/default.aspx>

⁶⁹ Наваградскі Т. На стале беларуса// Беларуская думка. 2009. № 102 (сентябрь).

⁷⁰ Караткевіч У. Кацёл з каменчыкамі//Idem. Вясна ўвосень: Казкі. Мінск, 2000.

⁷¹ *Sielicki F.* Podania, legendy, anegdoty i przysłowia na Wileiszczyźnie w okresie międzywojennym. Wrocław, 1993. P. 166.

⁷² Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. T. 1–8. Krakow, 1897. Warszawa, 1981.

⁷³ Bely A. The Belarusian Cookbook. New York, 2009.

⁷⁴ Марзалюк І. Кароткі нарыс беларуская бульбы // Наша страва: сапраўдная беларуская кухня / Рэд. А. Белы. 2 выд. Мінск, 2010. С. 136.

⁷⁵ Zawadzka W. A. L. Kucharka litewska zawierająca przepisy gruntowne i jasne, własnem doświadczeniem sprawdzone, sporządzania smacznych, wykwintnych, tanich i prostych rozmaitych rodzajów potraw tak mięsnych jako i postnych, oraz ciast, legumin, lodów, kremów, galaret, konfitur i innych deserowych przysmaków, tudzież rozlicznych aptecznych zapraw, konserw i rzadszych specjałów, z przydaniem na początku książki dokładnej dyspozycji stołu. 9-e издание. Вильна, 1913.

⁷⁶ Никифоровский Н. Очерки простонародного життя-быття в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности (Этнографические данные). Витебск, 1895. С. 5.

⁷⁷ Vincent van Gogh, “The potato eaters”, 1885, Van Gogh Museum, Amsterdam (Vincent van Gogh Stichting).

⁷⁸ Этот образ особенно распространился с 1864 г, после публикации Н. А. Некрасовым поэмы «Железная дорога» -- хрестоматийного для советских школ произведения. (Некрасов Н. А. Железная дорога. Полн. собр. соч. в 15 тт. Том 2. Ленинград, 1981. С. 204.

⁷⁹ Symaniec V. Biélorussie: langues et politique//Nouveaux Mondes. № 9 — automne 1999. Les Confins de l’OTAN. L’Espace Mer Baltique Mer Noir. Genève, 1999. Pp. 63–64.

⁸⁰ Montanari M. Le manger comme culture... P. 129.

⁸¹ Symaniec V., Goujon A. Parlons Biélorussien: Langue et Culture. Paris, 1997. Pp. 7–8.

⁸² Snyder T. The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569-1999. New Haven and London, 2003. P. 43.

⁸³ Il mondo in cucina: Storia, identità, scambi/Ed. by M. Montanari. Roma-Bari, Laterza, 2002.

⁸⁴ Gapova E. The Nation in Between, or Why Intellectuals Do Things With Words// Over the Wall/After the Fall: Post-Communist Cultures Through the East-West Gaze/S. Forrester, M. Zaborowska, E. Gapova. Bloomington and Indianapolis, 2004. P. 67.